

© 2005 г.

А.В. ДМИТРИЕВ, Г.А. ПЯДУХОВ

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ МИГРАНТОВ И КОНФЛИКТЫ В АНКЛАВНЫХ РЫНКАХ ТРУДА

ДМИТРИЕВ Анатолий Васильевич - член-корреспондент, советник РАН. ПЯДУХОВ Григорий Акимович - доцент Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.

Трудовая миграция, на наш взгляд, конфликтогенна по своей природе, о чем свидетельствуют многие исследователи. Конфликтогенность трудовой миграции в России объясняется тем, что для страны характерен одновременно высокий уровень безработицы и нехватка рабочей силы. Во многих регионах Севера, Восточной Сибири, Дальнего Востока и некоторых других недостаток рабочих в ряде отраслей тормозит экономическое развитие. В мегаполисах же постоянно приветствуется приток строителей, водителей транспорта, работников быта. В таких случаях относительно дешевая рабочая сила мигрантов, не платящих налогов, не обладающих какими-либо социальными привилегиями, серьезно теснит предложения со стороны своих конкурентов из местных жителей. Конкуренция со стороны мигрантов и неко-

торый технологический прогресс в отдельных отраслях воздействуют на рынок рабочей силы: под угрозой становятся выплаты денежных пособий по больничным, пособия для детей, защита от необоснованного увольнения, пятидневная рабочая неделя, отпуск и многое другое, что входит в социальную составляющую коренного населения России. Почти по всей стране реальная зарплата остается недостаточной, а гарантийная занятость сменяется системой найма по краткосрочным контрактам. Фактически возрождается система труда поденщиков.

Как результат в последние годы многие коренные жители регионов были выброшены в ряды безработных или на более низкооплачиваемые места в сфере услуг. Страна уже в 1990-е годы стала люмпенизироваться: количество бездомных и безработных достигло миллионов. Среди них мужчины трудоспособного возраста, которые, потеряв работу, не хотят трудоустраиваться, не обучаются, не имеют права на пенсию, то есть живут без видимого источника существования. Многие из них страдают алкоголизмом и наркоманией. Они довольно агрессивны, ищут виновных в своем положении. Таковыми часто оказываются и «экономические» конкуренты из других стран и регионов.

Одновременно среди местного населения идет обособление богатых, которые концентрируются на определенной территории, нанимают многочисленную охрану. Допуск мигрантов на их территории исключен. Строятся многоквартирные дома в некоторых районах городов, закупленные диаспорами и заселенные этническими мигрантами. Появление привилегированных иммиграционных групп, их отчуждение от остальных также является особенностью процесса социальной поляризации.

И все же, на наш взгляд, не следует, по-видимому, отвергать того, что в перспективе миграции сокращают дистанцию между народами, они призваны воспитывать взаимную терпимость у этносов.

Трудовые мигранты, прибывающие в нашу страну на законных либо незаконных основаниях, как правило, заняты преимущественно в одной из двух сфер деятельности - в торговле или работают по найму у российских работодателей. В первом случае они осуществляют свою деятельность в анклавных рынках труда, в рамках которых разворачиваются конфликты между многими противоборствующими субъектами. Наша статья посвящена изучению причин, характера и специфики подобных конфликтов. Степень изученности этой проблемы весьма скромная. Отдельные фрагменты отражены в публикациях В. Авксентьева, Г. Витковской, В. Гельбраса, В. Дятлова, Ж. Зайончковской, В. Ионцева, В. Мукомеля, С. Олимовой, С. Панарины, Э. Паина, В. Петрова, Д. Полетаева, Т. Юдиной, А. Юнусова. Некоторое важное методологическое значение имела монография «Конфликты миграции», в которой впервые были рассмотрены проблемы российской миграции с позиции конфликтологии [1, с. 224].

Под анклавным рынком труда понимается рынок, формирующийся, прежде всего, в иммиграционном анклаве, а также на других территориях, где располагаются торговые и сервисные предприятия, собственниками (или арендаторами) которых являются иммигранты, которые, в свою очередь, нанимают иностранных рабочих (в том числе и нелегальных), в первую очередь, из числа соотечественников. Примером может служить большинство фруктово-овощных рынков Москвы, сложившихся в середине 1990-х годов [2, с. 97]. Разумеется, степени вовлеченности в них у мигрантов из разных стран отличаются друг от друга, и точных сведений по этому вопросу у нас - авторов данной статьи - нет. Поэтому в целях проведения сравнительного анализа условно выделим три крупных миграционных потока,двигающихся в Россию из Азиатско-Тихоокеанского (Китай); Центрально-азиатского (Таджикистан); Кавказского (Азербайджан) регионов.

Выскажем также предположение, что занятость в этой сфере у различных групп мигрантов варьируется в зависимости от экономической привлекательности регионов России, и, что особенно важно, от отношения принимающего общества к мигрантам. Эксперты, в этой связи отмечают, что у китайских мигрантов, например,

максимальная вовлеченность в подобные рынки наблюдается в крупных мегаполисах, прежде в Москве, Санкт-Петербурге. Несколько ниже она на Дальнем Востоке, где часть мигрантов работает по найму у российских работодателей. Для тех, кто прибыл из Азербайджана, характерна наиболее высокая вовлеченность в коммерческую деятельность именно в анклавных рынках труда в большинстве субъектов РФ. Иная картина наблюдается среди выходцев из Таджикистана. В крупных российских мегаполисах около 1/3 занято в торговле. Другие заняты на строительных работах, ремонте квартир, дач и т. д. В отдельных субъектах РФ до 70% (в Пензенской области - свыше 90%) таджиков торгуют на рынках овощами и фруктами. По данным С. Олимовой и И. Боска, 28,5% трудовых мигрантов, выезжающих из Таджикистана в зарубежные страны, вовлечены в торговый, «челночный» бизнес. В России главным привлекательным фактором для них остается наличие больших оборудованных рынков с мощной неформальной торговой инфраструктурой, где относительно легко происходит внедрение таджикских челноков с их небольшим капиталом и высокой мобильностью [3, с. 27, 48].

Исходные послышки. В качестве таковых используем три взаимосвязанных положения.

Первое. В широком смысле условия разворачивания конфликтов во всех сферах общественной жизни являются производными от существующей российской повседневности и политики российского государства, нацеленной на радикальную рыночную модернизацию страны. Эти факторы создают небезопасную, остро конфликтную социальную среду, в которой противоречия, возникающие между мигрантами и принимающим обществом все чаще разрешаются не на основе взаимных договоренностей и компромиссов, а путем открытого конфликта и силового давления, прежде всего со стороны принимающего общества. В полной мере это проявляется и в анклавных рынках труда.

Второе. Конфликтогенен сам процесс формирования и дальнейшего функционирования этих сфер. Формальным основанием их создания, естественно, является широкая нормативно-правовая база, включающая многосторонние (в рамках СНГ) и двусторонние межправительственные соглашения о торгово-экономическом, культурном сотрудничестве Российской Федерации с зарубежными странами, соответствующие межведомственные и межрегиональные соглашения. На практике же под "зонтиком" этих соглашений представителями региональных элит в субъектах РФ и зарубежных стран заключаются, помимо официальных, немало *теневых устных соглашений* об анклавных рынках труда и условиях работы в них этнических групп мигрантов, гарантиях их безопасности, порядке и формах компенсации за право пользования рынком и создание тех или иных конкурентных преимуществ (монополии на торговлю определенными товарами, ослабление налогового прессинга и т.д.). Схожие вопросы, но иного, "мелкого" масштаба (к примеру, право временной торговли на местном рынке) согласовывают на доверительном межличностном уровне нередко и лидеры этнических групп мигрантов с представителями деловых кругов, контролирующих тот или иной рынок в конкретном городе, районе субъекта РФ. Характер подобных теневых соглашений предопределяет пограничный статус многих анклавных рынков (на грани закона и беззакония), вызывает негативную реакцию различных групп населения принимающего общества, которое заведомо маркирует мигрантов как социально опасную группу.

Третье. На развитие конфликтов тотально воздействует федеральное и региональное *информационное пространство*, представленное многообразными авторскими текстами, содержание которых зеркально отражает своеобразное переслоение ценностей, идеи и мифы в сознании мигрантов и принимающего общества. Доминирующими оказываются националистические и религиозные идеи в сочетании с либеральными, консервативными и социалистическими идеями. Эклектические построения вышеперечисленных идей акцентируют установку на вседозволенность и произвол. Их веер предстает в каждом конкретном случае в форме этнически окра-

шенных культурных стандартов мигрантов и принимающего общества, сталкивающихся между собой в конкурентной борьбе за доступ к жизненным благам. В различных текстах - печатных ("неживых"), но "оживающих" при чтении газет, журналов, книг; в "живых" текстах устной речи (радио, телевидение, обыденное общение) наблюдается явный сдвиг в сторону неадекватной оценки намерений, поведения и деятельности сторон. Заодно формируются устойчивые, негативистски окрашенные этностереотипы и фобии, подталкивающие к неадекватному восприятию друг друга и формированию напряженности.

Эти положения позволяют, на наш взгляд, системно исследовать противоречивое взаимовлияние объективных и субъективных, институциональных и неинституциональных факторов развития конфликтов между мигрантами и принимающим обществом.

Тенденции развития анклавных рынков труда. Начнем с того, что в субъектах Российской Федерации функционируют несколько их разновидностей, в их развитии отчетливо просматриваются три основные тенденции. Первая приводит к формированию *федеральных сетей* анклавных рынков, созданных более чем в половине субъектов Российской Федерации и *локальных территориальных сетей*, действующих в ограниченном количестве регионов страны. Типичным примером федеральных сетей служат рынки, контролируемые мигрантами из Азербайджана, локальных - мигрантами Китая и Таджикистана. Вторая означает *этнорегиональное разделение* этой сферы между мигрантами-выходцами из одной страны, но связанных между собой родственными, клановыми, земляческими признаками. И, наконец, третья тенденция состоит в появлении *конкуренции* между этническими группами мигрантов за право контроля наиболее доходных анклавных рынков в экономически привлекательных для них субъектах РФ. До сих пор эти рынки сосуществовали параллельно и относительно мирно во многих субъектах РФ, имели свою коммерческую специализацию, разделение труда. Наглядно это прослеживается в Москве, Санкт-Петербурге, многих областных центрах, где давно состоялась негласная "демаркация границ" рынков, на которых заняты представители всех сколько-нибудь крупных потоков внешних мигрантов.

Этнорегиональное разделение наблюдается повсеместно. К примеру, мигранты из Азербайджана - уроженцы городов Казах и Акстафа оседают в городах Когалым, Сургут и Тюмень, бакинцы и жители Апшерона помимо Москвы активно осваивают Дальний Восток (Владивосток, Хабаровск, полуостров Сахалин). Жителей субтропической Ленкорани, Масаллы-немало в Мурманске, Архангельске и других населенных пунктах Заполярья. Уроженцы Карабаха представлены в Нижнем Новгороде, Самаре, Москве, а шамкирцы и гянджинцы - в Москве, Подмосковье, Санкт-Петербурге [4, с. 126]. Однако в крупных городах такое разделение становится еще более "дробным". В Санкт-Петербурге торговлю овощами и фруктами на Невском рынке ведут мигранты из Файзабадского района Таджикистана, на Ладожском - из Кофарнихонского района, на Звездном - душанбинцы и гиссарцы [5, с. 37].

Данные явления свидетельствуют о наиболее общей *тенденции этнической и географической избирательности движения мигрантов* в те регионы России, где функционируют контролируемые ими анклавные рынки труда. В свою очередь, это позволяет сформулировать вывод о том, что подобное движение трудовых мигрантов есть устойчивый, повторяющийся и, по-видимому, достаточно управляемый процесс, как на институциональном, так и неинституциональном уровнях. В первом случае управление осуществляется соответствующими институтами исполнительной власти России и стран выезда. На практике они обычно охватывают небольшую часть миграционных потоков. Во втором случае осуществляется неформальное, но более эффективное (фактическое) управление движением основной массы мигрантов через систему патерналистских отношений, свойственных устойчивым общностям - родам, кланам, возглавляемым "банкирами людей" - лидерами этих общностей, региональными элитами, обладающими различными, чаще всего традиционными

способами влияния на людей. Много общих черт наблюдается и в организационном строении и функционировании этнических групп мигрантов, контролирующих анклавные рынки труда. Среди этих черт: формирование групп по принципу родства, земляческих связей; строгая внутренняя иерархия и самоуправление; отношения лидеров групп с влиятельными фигурами в принимающем обществе; сращивание с криминальным миром, заметное обособление от принимающего общества. Исследователи С. Олимова и И. Боск подметили, что традиционная структура таджикского общества, основанная на тесно спаянных родовых общинах - авлодах (группы родственных авлодов образуют различные кланы, объединенные в этнорегиональные группы, обладающие огромной властью над поведением индивида), предопределила высокую степень организованности таджикских мигрантских сообществ, существующих как самоуправляющиеся коллективы [3, с. 57-59].

Азербайджанские мигранты, указывает исследователь А. Юнусов, стремятся поселиться в России по местническому признаку. Они никогда не отправятся в поездку туда, где у них нет родственников или земляков, так как без предварительной договоренности и помощи соотечественников их поездка обречена на неудачу. Адаптируясь к российской действительности, они "играют" по действующим в ней теневым правилам. К примеру, в Москве азербайджанцы, торгующие на рынках попадают под так называемую "крышу" в лице азербайджанских криминальных авторитетов, регулярно отчисляют им деньги в "общак" для улаживания текущих проблем с милицией и местными властями. Если у мигрантов появляются более серьезные проблемы с принимающим обществом, то в дело вмешиваются лидеры общемосковского азербайджанского "общака", имеющие обширные связи в криминальной среде и правительственных кругах России, Азербайджана и являющиеся одними из самых состоятельных людей [4, с. 125-127].

Китайские землячества в России, отмечает синолог В. Гельбрас, - это устойчивые, хорошо организованные и замкнутые общности, спаянные тесными кровнородственными связями, стремящиеся к четкому обособлению от принимающего общества. Они нацелены на форсированное накопление капитала, захват и удержание рынка и существуют в значительной мере на грани легальной и теневой экономики, сращены с криминальным миром [6, с. 214—215]. Анклавные рынки, контролируемые китайскими мигрантами, максимально закрыты от принимающего общества. Свидетельство тому туристический бизнес из Китая в Россию, детально проанализированный В. Гельбрасом. В 2001 г. в Москву ежедневно прибывали 10-15 китайских групп по 20 человек каждая. Пятидневный тур "Москва - Санкт-Петербург" стоил для китайцев-северян \$1500, для южан - \$2000. Для тура использовались китайские самолеты, китайские автобусы, китайские гиды, туристы расселялись в китайских гостиницах и общежитиях. Ничего не доставалось российским структурам. Ни один турист не имел права поменять деньги в обменном пункте, он мог это сделать только у руководителя группы. Все китайцы выезжали за счет государственных организаций. Возник огромный теневой сектор, вытягивающий государственные деньги, которые прокручиваются в туристическом бизнесе и остаются в частных руках [7, с. 7].

Подобная закрытость, сходная с осознанной самосегрегацией, невольно провоцирует повышенное и далеко не доброжелательное внимание окружающего общества к иммигрантам, создает потенциально опасную конфликтогенную среду.

Система адаптации. Анклавный рынок труда является наиболее эффективным способом адаптации этнической группы мигрантов к новой для них среде, так как основан на покровительстве влиятельной группы местной элиты, получающей взамен покровительства различные формы компенсаций от мигрантов (часть прибыли, всевозможные услуги и т.д.), которые, используя этот ресурс, создают и дополнительные механизмы, выстраиваемые в гибкую систему, основанную преимущественно на этнорегиональном принципе построения на институциональных и неинституциональных организациях. Эти организации, в свою очередь, нацелены, во-первых, на сервисное обслуживание коммерческой деятельности мигрантов; во-вторых,

на представительство, защиту их интересов и предотвращение конфликтов; в-третьих, на сохранение этнокультурной самобытности. Крупные потоки мигрантов, имеющие длительные связи с тем или иным регионом и проживающими в нем этническими соотечественниками из числа граждан России, рано или поздно создают подобные организации. Немногочисленные же группы чаще всего их не создают, используя различные договорные стратегии. Наибольшая концентрация подобных организаций - в крупных областных центрах, Москве, Санкт-Петербурге. К примеру, китайское землячество в Москве "создало разветвленные системы самообслуживания: функционируют фирмы, занимающиеся финансовыми, юридическими, транспортными, складскими, туристическими и иными (в том числе сексуальными) услугами. Помимо этого, силами землячества в 2000 г. издавалось четыре газеты на китайском языке, действовал китайский радиочас, работали две пейджинговые компании, ассоциации китайских предпринимателей, женщин и студентов. Этих структур было достаточно для того, чтобы максимально быстро распространять ту или иную информацию во всем землячестве, доводить ее буквально до каждого человека [6, с. 215].

Интересы таджикских мигрантов в Москве в 2003 г. представляли 12 общественных организаций. В их числе, фонды "Таджикистан", "Точик диаспора", "Осмун", "Инсон", общественная организация "Народная Лига", "Таджики" и др. Их деятельность во многом разобщена. Фонд "Таджикистан", например, работает с выходцами из Памира, "Осмун" - с кулябцами, "Инсон" - с приезжими из северных областей Таджикистана [8, с. 65-66].

Мигранты из Азербайджана в последние годы интенсивно развивают взаимодействие с региональными отделениями Всероссийского азербайджанского конгресса, авторитет которого существенно возрос после выступлений в октябре 2004 г. на заседании второго конгресса Президента РФ В. Путина, Президента Азербайджана И. Алиева и мэра Москвы Ю. Лужкова. Имея этнических соотечественников практически во всех субъектах РФ, мигранты сотрудничают со своими общественными объединениями, национально-культурными автономиями. Так, в Иркутске некоторые из них поддерживали связи с азербайджанским национально-культурным обществом "Бирлик", обществами "Тебриз" и "Даяг" [9, с. 127].

Процесс создания и деятельности общественных организаций имеет еще одну особенность, которую условно можно назвать *идеализацией этничности*. Дело в том, что каждая из организаций открыто провозглашает целью защиту прав только "своих" мигрантов - этнических соотечественников, выдвигая таким образом национальную компоненту, а не гражданско-правовую на первый план. Между тем, в составе групп есть представители не только титульных этносов. Подобная ситуация свидетельствует о все большем дроблении культурных пространств, транслируемых этническими группами; развивается этот процесс параллельно с дроблением культурного пространства России на обособленные национальные сегменты. Остается надеяться, что в обоих случаях у отмеченной тенденции за лозунгами защиты прав этнических соотечественников будут не мнимые ценности культуры прав человека, а реальные, провозглашающие приоритет этих прав безотносительно к национальному или какому-либо иному признаку.

Конфликты. Анклавные рынки создают возможности быстрого накопления капитала и выступают привлекательными, высоко криминализированными социальными пространствами, действующими преимущественно в городах России, вокруг и внутри которых сталкиваются интересы многих противоборствующих субъектов. Базовая отличительная черта конфликтов этнических групп иммигрантов с принимающим обществом - это конфликты *неграждан с гражданами* России, то есть людей, имеющих принципиально различающиеся правовые статусы и характер юридической связи с российским государством. Возможности развития конфликтов между ними в процессе взаимодействия существенно различаются на территориях тех или иных субъектов Российской Федерации и зависят во многом от степени заинтересованности или незаинтересованности местных элит в присутствии мигрантов на их

территории. Однако во всех случаях они перерастают в межличностные либо межгрупповые, открытые, либо латентные, скрытые конфликты и чаще всего разворачиваются между: *мигрантами и местными криминальными группами; разными этническими группами мигрантов за контроль над анклавным рынком; лидерами этнической группы мигрантов, контролирующей рынок, и представителями местной элиты по поводу пересмотра договоренностей об условиях деятельности, размерах платежей за право пользования рынком; этнической группой мигрантов, контролирующей анклавный рынок и местным населением по различным поводам, в том числе по поводу купли-продажи товаров; мигрантами и гражданами России, нанятыми для работы; членами этнической группы мигрантов за перераспределение доходов.*

Характер конфликтов создает редкостную по своей напряженности атмосферу, в которой довольно высоки риски возникновения столкновений на межэтнической, расовой, религиозной основе. Это предопределено экономической моделью анклавного рынка, его "идеологией", которые создают "монополизацию шансов" для мигрантов, позволяющая им преуспевать, эффективно защищаться от нетолерантного окружения и претендовать на статус, не соответствующий их нынешнему месту в иерархической лестнице.

Мы уже заметили, что здесь тесно переплетаются всевозможные разновидности конфликтов, охватывающие интересы, ценности, отношения сторон. Основопологающими являются конфликты интересов, связанные с взаимными оценками занимаемых социальных позиций, обеспечивающих возможность доступа к получению жизненных благ. Чаще они возникают по инициативе принимающей стороны, считающей, что мигранты, являющиеся негражданами России, необоснованно получают более высокие доходы по сравнению с гражданами. В доказательство приводятся множество противоречивых фактов о заработках мигрантов, о суммах валюты, вывозимой за рубеж, о разграблении богатств страны и т.д.

Подобная информация и подталкивает к противостоению. На заседании Мосгордумы в октябре 2004 г. председатель комитета думы по экономической политике И. Рукина заявила, что некоторые сектора экономики Москвы уже захвачены мигрантами, что азербайджанцы ежегодно получают от торговли в столице 1,5-2,5 млрд. долларов. "Простым москвичам, - подчеркнула она, - завидно каждый день смотреть на то, как обогащаются гастарбайтеры. К тому же, по данным психологов, у горожан растет чувство тревоги и опасности. В результате, иностранцев грабят, избивают и убивают" [10].

К сожалению, точной информацией о заработках мигрантов и суммах вывозимой валюты не обладает никто. Много неопределенностей и в выступлениях официальных лиц. По словам министра финансов РФ А. Кудрина, в 2003 г. нефинансовые организации вывезли из страны около 12 млрд. долларов. Большую часть их составили денежные переводы, направленные на родину иностранными рабочими, занятыми в российской экономике. Нерезиденты в 2003 г. только в Москве обналичили 10 млрд. долларов [11]. По мнению экспертов Международной организации по миграции, на практике мигранты стараются обходить официальные каналы, отправляя деньги не переводами, а через знакомых проводников - железнодорожников или других лиц, то есть общая сумма может превышать обозначенную А. Кудриным.

Еще меньше ясности с вопросом о том, какой удельный вес в общей массе вывозимых денежных средств приходится на мигрантов, занятых коммерческой деятельностью, и тех, кто работает по найму у российских работодателей. Даже самый беглый обзор существующей практики показывает, что первая категория зарабатывает на порядок больше второй. Между тем, многие эксперты считают, что их среднемесячный заработок составляет 200 долларов. Однако усредненный показатель не дает реальной картины по категориям мигрантов. А разница здесь существенная. Более точную и целостную картину можно воссоздать лишь на основе анализа соответствующих данных по странам выхода мигрантов.

Отсутствие точной информации служит питательной базой этностереотипов и фобий, тиражируемых в обыденном сознании. Особую роль играет неадекватная информация о преступлениях, совершаемых иностранными гражданами. Наслаиваясь в сознании на множество других факторов, она приобретает резонансный характер, интенсивно конструирует слухи и мифы о масштабах преступности, о всепроникающей силе этнокриминальных группировок и т.д. Подобные мифы устойчивы и базируются на вере людей в свою правоту. Безусловно, преступность иностранных граждан в России - острейшая проблема, но ее масштаб различен в разных регионах и городах. Для Москвы и Санкт-Петербурга это - "острая боль", чего нельзя сказать о большинстве российских провинций. Здесь нужен дифференцированный подход, с позиций которого и следует рассматривать обобщенные показатели об удельном весе преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в целом по стране. В 2003 г., например, этот показатель не превышал 1,1%. В Москве же, по данным МВД, предоставленным одному из авторов этой статьи, за 11 месяцев 2004 г. было совершено иностранцами 15072 преступлений (в 2003 г. - 14636), из них подавляющее большинство составляли граждане стран ближнего зарубежья.

Общая ситуация усугубляется тем, что часть мигрантов, контролирующих рынков, преимущественно лидеры этнических групп, необоснованно присваивают себе статус господствующей группы в отношениях с местным населением и пренебрежительно относятся к нему. Обусловлено это не только уверенностью во вседозволенности и в надежной поддержке влиятельных фигур местных сообществ, но и практикой найма российских граждан для низкостатусной и малооплачиваемой подсобной работы в анклавных рынках. Словом, статус "хозяина-работодателя" порождает и соответствующую психологию.

Принимающее общество обостренно реагирует на подобные факты, фиксирует внимание на противоправной деятельности мигрантов, характере причиняемого ими ущерба и выстраивает свои стратегии "ответных" действий. Волна ксенофобии и отторжения "чужих" материализуется в конкретных действиях. Исследователи отмечают, что больше всего жертвами агрессивных акций становятся представители народов Кавказа. Конфликты с местным населением побуждают их в пять раз чаще менять место жительства на территории России по сравнению с мигрантами из числа русских, проживающих в странах СНГ и прибывающих в Россию в поисках работы [12]. Отношение к мигрантам из различных стран варьируется в зависимости от того, как они воспринимаются местным сообществом. Так, например, 78,9% москвичей отрицательно относятся к присутствию азербайджанских мигрантов; 26,6% - к присутствию китайских; 16,8% - таджикских мигрантов [13, с. 235-239].

Мы просматриваем следующую *закономерность*: масштабы и скорость распространения конфликтов в анклавных рынках труда между мигрантами и принимающим обществом пропорциональны объему информации, накопленной сторонами об отсутствии каких-либо серьезных санкций со стороны государства за последствия подобных конфликтов. Здесь наиболее опасной становится тенденция *нарастающего применения насилия* как способа разрешения конфликтов. Свидетельством служат факты столкновений и погромов на рынках в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Волгограде, Новосибирске, Иркутске, Владивостоке и других городах. Только в Москве в первом квартале 2004 г. экстремистскими молодежными группами были устроены погромы на Царицынском рынке и рынке у станции метро "Орехово". Объектами нападения были преимущественно выходцы из кавказских и центрально-азиатских республик.

По официальным сообщениям, в 2003 г. в Российской Федерации было зарегистрировано не менее 3 млн. преступлений. Из них около 34 тыс. или 1,1% приходилось на иностранных граждан и лиц без гражданства.

Для того, чтобы представить интенсивность и географию насилия, достаточно привести некоторые факты за сентябрь - октябрь 2004 г.: 18 сентября в Москве в вагоне поезда на перегоне между станциями "Аэропорт" и "Динамо" несколько десятков молодых людей напали на четырех граждан кавказской внешности; 14 октября в городе Долгопрудном Московской области неизвестные избили двух граждан Узбекистана, один из которых от полученных травм скончался в городской больнице; 14 октября в Чите двое подростков 15-16 лет убили гражданина Китая; в октябре в Нижнем Новгороде был убит азербайджанец и избита группа китайских граждан; в октябре в Болотнинском районе Новосибирской области у села Киевка тремя местными молодыми жителями (20 и 26 лет) был убит предприниматель кавказской национальности [14].

По мнению В.А. Тишкова, ежегодно в Таджикистан из России привозят две-три сотни гробов (как результат насильственных действий над мигрантами-таджиками) [15]. Факты насилия и призывы к насилию в отношении иностранных граждан фиксируются средствами массовой информации в различных субъектах Российской Федерации. К примеру, 4 сентября 2004 г. во Владивостоке группа молодых людей напала на рабочих из КНДР. В результате один из корейцев погиб от ножевых ранений, еще один оказался в больнице. В Санкт-Петербурге в октябре того же года был убит студент из Вьетнама, избиты студент из Конго и гражданин Индии [16].

Нарастание конфликтов наблюдается не только в городах, но и в сельских районах, куда приезжают на постоянное жительство либо с коммерческими целями мигранты из стран СНГ. В апреле 2004 г. для урегулирования конфликта между жителями села Сухие Аврали Елховского района Самарской области и проживавшими в нем азербайджанцами (60 чел., из которых 41 не имели российского гражданства и не были зарегистрированы в селе), приезжала специальная комиссия по поручению руководства области. Причина конфликта - неадекватное восприятие сторонами культурных и поведенческих особенностей друг друга, нарушение азербайджанцами привычного уклада жизни села [17, с. 19-20]. В мае 2004 г. в селе Федосеевка Волховского района Орловской области после закончившейся убийством драки между русским и азербайджанцем была организована забастовка и сход жителей села с требованием насильственного выселения азербайджанцев [18].

Односторонняя оценка насилия по отношению к мигрантам не может, однако, оставить в стороне насилие этнических преступных группировок по отношению к местному населению. У тенденции нарастающего насилия есть своя экономическая, ценностная, политическая, организационная, социально-психологическая и криминальная составляющие. *Экономическая* - отражает повышенный интерес отдельных групп российских предпринимателей к контролю за наиболее доходными сферами розничной торговли, на которой специализируются мигранты в анклавных рынках, и к вытеснению из них мигрантов. *Ценностная* — идеологически обрамляет этот экономический интерес, она проявляется в интенсивном тиражировании в общественном сознании негативного образа этнических групп мигрантов как откровенной угрозы этнокультурной самобытности принимающего общества. *Политическая* - выражена, с одной стороны, в популистском нагнетании антииммиграционных настроений группами националистического толка, с другой стороны, проявляется в нерезультативных действиях органов государственной власти по пресечению фактов насилия в отношении мигрантов, их правовой оценке в соответствии с Федеральным законом "О противодействии экстремистской деятельности" (2002 г.). Позиция властей невольно мотивирует дальнейшее насилие и вседозволенность, их негласное поощрение. Необходимо также отметить, что зарубежные исламистские центры пытаются использовать мигрантов в качестве активных агентов своей деятельности на территории России. *Организационная* - представлена действиями многочисленных организаций скинхедов, объединяющих сегодня около 55 тыс. молодых людей и новых общественных организаций типа "Движение против нелегальных иммигрантов", скандально заявивших о себе в 2003-2004 гг. в Москве, Пскове, Самаре, Екатеринбург-

ге. В стороне не остаются и некоторые лидеры этнических диаспор. *Социально-психологическая* - отражает нарастающее недовольство большинства населения масштабами бедности и лишений, несоответствием их повседневной жизни культурным целям, провозглашаемым государством и невозможностью достижения этих целей законным путем; фрустрацию этого недовольства на инокультурные группы мигрантов. *Криминальная* - отражает резонансное влияние противоправных деяний, преступности мигрантов на принимающее общество и пока недостаточна реакция этого общества на данные явления.

Некоторые прогнозы. Демографическая ситуация в России и потребности экономического развития объективно будут предопределять возрастающий приток иммигрантов и временных трудовых мигрантов в страну. Уже сейчас Россия нуждается в ежегодном притоке более 700 тыс. человек и постепенном наращивании этого объема к 2030 г. до 1,2-1,3 млн. человек [19, с. 67]. По оценкам экспертов основную массу этого пополнения составят мигранты из республик Центральной Азии, Кавказа и Китая, то есть будут доминировать представители исламской и синской цивилизации. Значительная часть из них ориентирована на коммерческую деятельность. В связи с этим можно с высокой вероятностью прогнозировать дальнейшее расширение анклавных рынков труда в субъектах Российской Федерации и возрастание рисков потенциальных конфликтов этнических групп мигрантов с принимающим обществом.

Ослабить возможные негативные последствия данной тенденции сможет только эффективная миграционная, демографическая, экономическая, социальная политика государства, его способность реализовать продуманные меры по мотивации притока таких групп иммигрантов, в которых нуждается страна, и противодействию тем, кто для нее нежелателен. Такая политика должна сочетаться с главным - устранением причин бедности и созданием для граждан России достойных условий жизни. Только такой подход, сопряженный с идеями взаимопонимания и уважения различий, с ценностями поликультурности, позволит снизить социальную напряженность в обществе и предотвратить нарастание деструктивных конфликтов с мигрантами. Это в ближайшей перспективе. Что касается неотложных мер, то они, на наш взгляд, не должны носить исключительно сдерживающий характер, явным становится требование диалога властей и диаспор, причем, открытого для общественности. Различные адаптационные стратегии должны быть дифференцированы и избирательны к различным видам миграции и категориям мигрантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дмитриев А.В., Слепцов Н.С.* Конфликты миграции. М., 2004.
2. См. *Ионцев В.А.* Миграция населения. Вып. 3: "Международная миграция". М., 2001.
3. *Олимова С. Боск И.* Трудовая миграция из Таджикистана / Международная организация по миграции в сотрудничестве с Научно-исследовательским центром "Шарк", 2003.
4. *Юнусов А.С.* Трудовая эмиграция из Азербайджана: стратегии интеграции в рынки труда и риски // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. М., 2003.
5. *Олимова С.* Трудовая миграция и занятость в Таджикистане: история и современные тенденции // Миграция и рынок труда в Средней Азии. Москва - Ташкент, 2002.
6. *Гельбрас В.С.* Национальная безопасность России: вызов китайской миграции // Миграция и безопасность России. М.: Интердиалект, 2000.
7. Открытый форум МОМ. Информационная серия. Вып. 4. Незаконная миграция на Восточных и Западных рубежах России: Приморский край и Калининградская область. М., 2002.
8. См.: Социальный статус работников из Таджикистана в строительной отрасли в Москве и Московской области. Материалы социологического исследования. М.: ИСИТО, 2003.
9. *Дятлов В.И.* Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000.

10. См.: Финансовые известия. 01-11-2004 // Материалы международной правозащитной ассамблеи, www.human-rights.ru.
11. Известия. 2004. 10 февраля; 16 сентября.
12. См.: *Витковская Г.* Из всех российских фобий сильнейшая - кавказская // [www. Demoscope.ru](http://www.Demoscope.ru). Демоскоп. № 145-146. 9-22 февраля 2004.
13. *Юдина Т.Н.* Социология миграции: к формированию нового научного направления. М.: Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2003.
14. Мода на фашизм // Новые известия. 2004. 28 октября; Нижегородское телеграфное агентство. 3 ноября 2004; Трибуна. 2004. 27 октября // Материалы международной правозащитной ассамблеи, www.human rights.ru.
15. Национализм используют для консолидации электората // Независимая газета. 2004. 25 октября // Материалы Международной правозащитной ассамблеи, www.human-rights.ru.
16. См.: Марш против ненависти, против фашизма. Русский курьер. 2004. 2 ноября // Материалы Международной правозащитной ассамблеи, www.human-rights.ru.
17. См.: Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 74. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004.
18. См.: Доклад Московского бюро по правам человека. // Материалы Международной правозащитной ассамблеи, www.human-rights.ru.
19. *Вишневский А.* Великая малонаселенная держава // Россия в глобальной политике. Т. 1. 2003. № 3.

© 2005 г.